

Глава 8

Глубокий сон и Проекция

На этот раз Ши Цзю проспал целых пятнадцать часов. Когда он наконец открыл глаза, его телефон буквально разрывался от пропущенных вызовов. Взглянув на часы, он ахнул: был уже второй час дня. Словно вспомнив о чем-то жизненно важном, он пулей вылетел из постели и принялся лихорадочно умываться, на ходу записывая голосовое сообщение:

— Я только что проснулся! Подожди меня немного, сейчас соберусь и выхожу.

Сегодня днем должна была состояться выставка-аукцион, где выставлялись две его работы. Директор галереи настоял на том, чтобы Ши Цзю присутствовал лично.

Как назло — возможно, из-за выходного дня — вызвать такси оказалось невыполнимой задачей. Ши Цзю стоял у обочины, с надеждой всматриваясь в поток машин, когда перед ним притормозил легковой автомобиль. Стекло опустилось, и из салона выглянула знакомая девушка.

— Эй, залезай! — это была Тан Тинсюань.

Она посмотрела на него с понимающим видом.

— Я сразу поняла, что ты проспал, раз не берешь трубку. Специально заехала за тобой. Видишь, какая я заботливая?

Ши Цзю устало потер переносицу и улыбнулся:

— Да-да, ты лучшая на всем белом свете.

Путь предстоял неблизкий, и они коротали время за неспешной беседой. В какой-то момент Ши Цзю решил поделиться с подругой подробностями своих недавних сновидений. Выслушав его, Тан Тинсюань удивленно подняла брови:

— Что это за сны такие у художников?

Ши Цзю лишь беспомощно усмехнулся и пожал плечами:

— Кто знает?

— А этот господин Чэнь... У него что, какое-то расстройство личности?

Ши Цзю всерьез задумался, припоминая поведение своего «надзирателя».

— Похоже на эмоциональную изоляцию, — с сомнением произнес он. — Будто он намеренно отгораживается от каких-то чувств или событий прошлого. Но, черт возьми, это не совсем то. При изоляции человек сам не осознает своих эмоций, но они всё же есть. А в нем я не чувствую вообще ничего. Совсем.

— Хм, странное дело, — вынесла вердикт Тан Тинсюань.

Когда они прибыли, аукцион уже начался. Друзья тихонько пробрались в зал. Время было рассчитано идеально: как раз закончилось представление лота, за которым следовали работы Ши Цзю.

На огромном экране появились два изображения: картина в стиле современного искусства и скульптура.

Заметив Ши Цзю в зале, куратор выставки приветственно махнул ему рукой, приглашая на сцену. Он похлопал юношу по плечу и торжественно обратился к публике:

— Думаю, мне нет нужды представлять его снова? Впрочем, я вижу новые лица, так что скажу пару слов. Перед вами Ши Цзю, современный художник. Если позволите мне субъективную, даже пристрастную оценку — это человек с запредельным чутьем, наше истинное сокровище, чье будущее обещает быть великим.

Куратор сделал эффектную паузу.

— В двадцать два года он окончил Королевский колледж искусств в Лондоне со степенью магистра в области искусства и дизайна информационного опыта. В двадцать пять лет получил степень магистра музыкальной терапии в Университете Майами. Кроме того, он профессионально обучался игре на виолончели и после возвращения на родину дал сольный концерт. Сфера его деятельности охватывает музыку, живопись, скульптуру и каллиграфию. В моей галерее уже хранятся семь его произведений.

Тан Тинсюань в зале довольно улыбалась, а Ши Цзю на сцене бросил на неё красноречивый взгляд, который буквально кричал: «Это явное преувеличение!».

Девушка едва заметно кивнула: «Я понимаю! Рекламе всегда нужны громкие слова и ажиотаж».

Ши Цзю любил яркую одежду. Его стиль всегда был современным и молодежным, безошибочно выдавая в нем человека искусства. Белая футболка и ярко-желтые брюки-карго на полразмера больше, чем нужно, сидели на нем свободно и непринужденно. На сцене он смотрелся очень эффектно.

— Какой красавчик! И одевается со вкусом, — донеслось из зала.

Ши Цзю, стоявший слишком близко, невольно услышал чей-то шепот.

— Такой крутой парень... У него наверняка есть бойфренд, да?

Ши Цзю лишь мысленно вздохнул.

Закончив представление, куратор передал ему микрофон, чтобы автор сам рассказал о своих работах. Ши Цзю заговорил ровным, спокойным голосом:

— Добрый день. Меня зовут Ши Цзю. Моя первая работа называется «Проекция».

На абсолютно черном полотне был изображен белый басовый ключ. Однако сам символ был словно разрезан по центру, создавая эффект проекции белого на черном с мягкими серыми тенями.

— Моей идеей было объединить визуальное искусство с музыкальной концепцией, — пояснил он. — В конце двадцатого века, когда Европа еще была погружена в авангард, в Америке уже набирал популярность минимализм. Я часто слушал произведения композиторов-минималистов. Однажды я наткнулся на описание странного перформанса Ла Монте Янга, который пытался «накормить» пианино в театре ради достижения некой цели. Этот абсурдный жест внезапно напомнил мне работы Сола Левитта из Олимпийского парка скульптур — его многочисленные перспективные виды кубов разных цветов.

Он немного помолчал и продолжил:

— В детстве меня всегда занимал вопрос измерений Вселенной. Я понимал, что эти чертежи — проекции трехмерного мира на двухмерную плоскость. Мне стало любопытно: как можно абстрактно и максимально быстро перейти из двух измерений в три? Подобно тому, как заставить пианино «съесть» пищу. Так родилась идея этой работы: контур, прорезанный на плоской ткани. Басовый ключ словно разверз зев, и плоская модель превратилась в объемную фигуру, обретя длину, ширину и высоту. Весь процесс воплощения потребовал лишь одного точного разреза — там, где прошло лезвие, символ обрел собственный голос.

В зале зашептались, куратор удовлетворенно закивал. Ши Цзю перевел взгляд на следующее изображение — панорамную съемку скульптуры, изображающей мужчину, поднимающего ребенка на вытянутых руках.

— Вторая работа называется «Глубокий сон». Источником вдохновения для нее послужил сон, который приснился мне давным-давно.

На самом деле он уже почти забыл его. Но когда во время учебы за границей он посетил

галерею Боргезе и увидел шедевр Бернини «Аполлон и Дафна», созданный в эпоху барокко, его мысли мгновенно унеслись в далекое прошлое. Тот старый сон внезапно ожил в его памяти.

В том сне одиноко стоял маленький ребенок. В его зрачках отражалось багровое небо, словно сочившееся кровью; повсюду ревели пожары, и воздух был пропитан гарью. Но смерть не пришла за ним. К нему спустилось великое божество, ступая по вечному сиянию звезд. В глазах существа горела непоколебимая решимость. В тот же миг божество подхватило дитя, подняв его высоко над своей головой. Затем ребенок растаял в оглушительном грохоте, а божество застыло, превратившись в древнее изваяние, подобно вековой лавровой роще. И хотя сюжет скульптуры не полностью повторял тот сон, чувства, захлестнувшие Ши Цзю в тот момент, были теми же. Он ощутил яростную, жертвенную любовь посреди огненного вихря — любовь, которую он тщетно пытался обрести, мечась в поисках выхода.

Обе работы Ши Цзю были проданы за весьма внушительные суммы.

На обратном пути Тан Тинсюань не переставала сокрушаться:

— И что только в твоей голове творится? Как ты вообще до такого додумываешься? Почему мне в голову не приходит ничего подобного? Что твоя мама ела, когда была беременна? Может, мне со своей мамой поговорить — вдруг получится переродиться как-нибудь поудачнее?

Ши Цзю весело рассмеялся:

— Да ладно тебе, всё нормально.

— «Нормально»?! Ты издеваешься? У кого-то густо, а у кого-то пусто. Просто нет слов! — девушка картинно закатила глаза.

Ши Цзю пожал плечами. Для него восприятие искусства было чем-то естественным и легким. Казалось, он без труда улавливает частоты этих абстрактных образов, и его задача состояла лишь в том, чтобы с помощью техники выпустить на волю уже существующие души предметов. Он схватывал всё, что касалось творчества, на лету, иногда чувствуя себя так, словно идет коротким путем. Не только в искусстве, но и в понимании чужих эмоций он проявлял удивительную чуткость. Впрочем, он списывал это на наследственность: оба его родителя были научными руководителями в области психологии, так что удивляться было нечему.

Тан Тинсюань же оставалось только в шутку скрежетать зубами от зависти.

Следующие несколько дней Ши Цзю провел в полном покое. Сны больше не беспокоили его, он просыпался бодрым и почти всё время проводил в библиотеке, листая книги в поисках нового вдохновения.

«Наши сны — это в действительности то, что мы видели, говорили, желали и делали», — Мори.

«Содержание сновидений часто в той или иной степени зависит от индивидуальности, возраста, пола, социального положения, уровня образования и образа жизни сновидца, а также от всего его предшествующего жизненного опыта», — Йессен.

«Сон — это прежде всего отголоски наших дневных мыслей и поступков, которые продолжают всплывать в душе», — Цицерон.

Ши Цзю зацепился за одну мысль: может ли мир из его недавних снов стать частью его вдохновения? Или же он сам и есть это вдохновение, уже сформировавшееся в подсознании и теперь медленно разворачивающееся перед ним, словно свиток, напоминая о своем существовании?

Тот мир был по-настоящему захватывающим. Прогресс цивилизации, достигнутый благодаря прозрачности мышления; мгновенное общение сознанием... По сути, это было общение на уровне четвертого измерения, лишенное ограничений трехмерного мира. Ведь человеческое познание сковано рамками языка и способами коммуникации, даже порядком слов в предложении. Время необратимо, процессы восприятия происходят последовательно, а значит, у человеческого познания всегда есть предел. Но люди всё равно пытаются постичь бесконечную Вселенную своим ограниченным разумом.

Во сне же время становилось лишь измеряемой единицей, которую можно развернуть или сжать. Вся коммуникация и познание происходили одновременно. Между людьми не было ментальных барьеров, и творчество не ограничивалось последовательным развитием — оно обретало более глубокий смысл и невероятную созидательную силу.

Ши Цзю задумчиво вертел ручку в пальцах. Под определенным углом она на мгновение закрыла солнечный свет из окна, и он смог невооруженным глазом наблюдать крошечное явление микротранзита.

Но главным препятствием сейчас было вовсе не получение информации об этом сне, а...

При этой мысли Ши Цзю стало даже немного смешно. Ему приходилось иметь дело с обитателями своего сна, словно в какой-то игре, где для выполнения задания нужно обязательно поговорить с неигровым персонажем.

Книга не поддавалась. Удивительно, но каждый раз, когда он открывал Фрейда, на него накатывала непреодолимая сонливость. Ши Цзю сам не заметил, на какой странице сдался, и уснул, положив голову на библиотечный стол.

Снова тот длинный туннель. Поезд под названием «Сон о жёлтом просе».

Платформа, на которой остановился состав, была ему уже знакома. Ши Цзю едва успел сделать шаг, как ему захотелось немедленно вернуться обратно. Но сон был неумолим: поезд исчез, а в затылок ему уперлось холодное дуло пистолета.

Стоящий за спиной человек негромко рассмеялся:

— Снова встретились.

Дуло скользнуло вниз, к плечу. Без тени сомнения и колебаний человек нажал на спуск, и Ши Цзю начал оседать на землю.

«Я больше не хочу спать внутри своих же снов!!! Черт побери!!!»

<http://bllate.org/book/16109/1582134>